

ОСКОЛКИ ПАМ'ЯТІ

ALËNA AVERCHENKO

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ФАНТАСТИКА

18+

Alěna Averchenko

Осколки памяти

«Автор»

2026

Averchenko A.

Осколки памяти / А. Averchenko — «Автор», 2026

Он — Владыка Тьмы. Она — погибшая смертная. Их связал контракт. Их разделила ненависть. Их соединило пламя. Рейвен Блэквуд — упрямая, бесстрашная, с янтарными глазами и острым языком — никогда не верила в Ад. Пока не попала туда. Случайная смерть забросила её в Преисподнюю, где балом правит Кайрон — Хранитель Хаоса, существо, созданное быть идеальным стражем без чувств и слабостей. Он красив как смертный грех, холоден как обсидиан и безжалостен как сама вечность. Но что-то в дерзкой смертной задевает его. Что-то, чего он не испытывал тысячелетиями. Эмоции. Желание. Страх. Она становится его Инквизитором — охотницей на беглых демонов. Он — её проклятием и наваждением. Их отношения — поле битвы, где ненависть и страсть сплелись в опасный узел. Каждое прикосновение — ожог. Каждый разговор — дуэль. Каждый взгляд — обещание гибели. Но когда древний враг пробуждается у границ Ада, Рейвен и Кайрону придется решить: что сильнее — их вражда или то, что вспыхнуло между ними?

© Averchenko A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Падение в пламя	5
Глава 2. Клеймо	13
Глава 3. Дорога в Казармы	15
Глава 4. Устройство	17
Глава 5. Кровь на песке	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Alëna Averchenko

Осколки памяти

Глава 1. Падение в пламя

За восемнадцать часов до смерти: Городок Фостер-Крик, штат Техас, умирал медленно и мучительно — так же, как и все его жители, сами того не замечая. Когда-то здесь кипела жизнь: работал сталелитейный завод, шумела ярмарка по выходным, дети бегали босиком по пыльным улицам. Теперь же Фостер-Крик напоминал скелет, обглоданный временем и экономическим кризисом. Заброшенные цеха ржавели под палящим солнцем, окна домов зияли пустыми глазницами, и только бар «У Салли» на центральной улице еще теплился огнями по вечерам. В одном из таких домов, на углу Третьей улицы и Вязового переулка, жила Рейвен Блэквуд. «Жила» — слишком громкое слово. Она существовала, механически переставляя ноги по маршруту «дом — колледж — подработка — дом», и каждый день чувствовала, как что-то внутри неё медленно задыхается. Дом Блэквудов был старым, державшимся на честном слове и молитвах матери. Краска на фасаде облупилась еще десять лет назад, крыльцо просело, а на заднем дворе ржавел остов отцовского «Форда» — того самого, на котором он разбился насмерть пять лет назад. Мать так и не смогла заставить себя продать его на металлолом. Рейвен проснулась в то утро от привычной головной боли. Тусклый свет просачивался сквозь невымытые стекла, рисовал пыльные полосы на выцветших обоях. Она лежала на кровати, глядя в потолок с трещиной, которая напоминала ей карту неизвестной страны, и считала про себя до десяти. Один. Два. Три. Надо встать. Четыре. Пять. Шесть. Надо жить дальше. Семь. Восемь. Девять. Ради чего? Десять. Ради матери, которая после смерти отца превратилась в собственную тень. Рейвен была последней, кто у неё остался. Три сына — Рой, Дин и Майк, — старшие братья Рейвен, все покинули этот дом, и не все ушли по своей воле. Рой, самый старший, погиб в автокатастрофе, когда Рейвен было двенадцать. Ей до сих пор снился тот день: полицейский на пороге, мать, опустившаяся на пол без единого звука, букет полевых цветов, рассыпавшийся по линолеуму. Дин ушел в армию через год после похорон и пропал без вести где-то в пустынях Ближнего Востока — в семье до сих пор не знали точно, жив он или мертв. Третьего брата, Майка, просто поглотила дорога — однажды он уехал на своем мотоцикле в сторону заката и больше не вернулся. Ни звонков, ни писем, ни единой весточки. Так Рейвен из младшей сестры превратилась в единственную дочь. В опору. В ту, на ком держался остаток семьи. Она спустила ноги с кровати. Босые ступни коснулись холодного деревянного пола. Рейвен подошла к зеркалу — старому, в потемневшей раме красного дерева, с маленьким сколом в правом верхнем углу. Из зеркала на неё смотрела девушка, которую она сама не всегда узнавала. Черные волосы — густые, непослушные, доходившие до лопаток — спутались за ночь в дикий водопад. Рейвен запустила в них пальцы, пытаясь расчесать, и поморщилась от боли. Кожа была бледной, почти фарфоровой — эту черту она унаследовала от матери, в чьих жилах текла ирландская кровь. Пухлые губы, которые однокурсницы называли «губами для поцелуев», хотя сама Рейвен считала их слишком большими, слишком заметными. И глаза — янтарные, с золотистыми искорками вокруг зрачков, — странные, почти звериные. В школе её дразнили «волчонком» за этот необычный цвет. — Рейвен, ты встала? — голос матери донесся снизу, слабый, надтреснутый. — Да, мам, — отозвалась она, натягивая черную водолазку. — Сейчас спущусь. Завтрак прошел в привычной тишине. Мать, Элинор Блэквуд, сидела за столом, обхватив ладонями чашку с остывшим кофе, и смотрела в одну точку на стене. Ей было всего сорок восемь, но выглядела она на шестьдесят: седые пряди, глубокие морщины, потухший взгляд. После смерти отца и исчезновения сыновей она словно выключилась, оставив только физическую оболочку. Рей-

вен налила себе растворимого кофе, сделала глоток. Горькая, дешевая бурда. Но другой они позволить себе не могли. — Сегодня у меня две смены, — сказала она. — С утра в «Салли», вечером в прачечной. Вернусь поздно. Ужин в холодильнике. Мать кивнула, не поднимая глаз. Рейвен смотрела на неё, и в груди поднималась знакомая волна удушающей тоски. Она любила мать. Но эта любовь была тяжелой, как бетонная плита. Иногда — всё чаще в последнее время — ей хотелось просто убежать. Исчезнуть, как Майк. Сорваться с места и не оглядываться. Но она не могла. Потому что тогда мать просто не выживет. А Рейвен, при всем своем желании сбежать от этого города и этой жизни, не могла взять на себя ещё и смерть матери

Бар «У Салли» располагался в здании бывшей аптеки. На витрине до сих пор сохранилась выцветшая надпись «DRUGS», что вызывало неизменные шутки у заезжих дальнбойщиков. Внутри пахло пивом, старым деревом и жареным луком — запах, который намертво въелся в одежду Рейвен после первой же недели работы. Салли, хозяйка заведения, была крупной женщиной пятидесяти лет с копной рыжих волос и руками, способными одновременно таскать подносы и вышвыривать пьяных дебоширов. Она была единственной, кто дал Рейвен работу, когда та, восемнадцатилетняя, с заплаканными глазами, пришла просить хоть какое-то место. — Ты Блэквуд? — спросила тогда Салли, оглядывая её с ног до головы. — Дочка Элинора? — Да, мэм. — Знаю твою мать. Хорошая женщина. — Салли затянулась сигаретой и выпустила дым в потолок. — Возьму тебя на посудомойку. Но учти: я не благотворительный фонд. Работать будешь до седьмого пота. С тех пор прошло три года. Рейвен прошла путь от посудомойки до официантки, научилась уворачиваться от сальных шуток, считать сдачу в уме и улыбаться даже тогда, когда внутри всё переворачивалось. В то утро посетителей было немного. Два дальнбойщика за угловым столиком, старик Питерсон, неизменно заказывавший одну чашку кофе и сидевший над ней три часа, да пара подростков, прогуливающих школу. Рейвен протирала стойку, когда колокольчик над дверью звякнул, и в бар вошел он. Джейк Хендерсон. Высокий, широкоплечий, с ленивой улыбкой и глазами цвета выцветшей джинсы. Бывший квотербек школьной команды, ныне — помощник шерифа. И бывший парень Рейвен. Они расстались полгода назад. Джейк хотел, чтобы она бросила колледж, сидела дома и стала «нормальной женой». Рейвен хотела... она сама не знала, чего хотела, но точно не этого. — Привет, Рейв, — он облокотился на стойку, сверкнув значком. — Выглядишь уставшей. — Привет, Джейк. Что будешь? — Кофе. И разговор. Она налила ему кофе, стараясь, чтобы рука не дрогнула. Джейк всегда нервировал её — с самого первого дня их знакомства. В хорошие моменты он был заботливым и нежным. В плохие — контролирующим, ревнивым, ядовитым. — Слышал, ты до сих пор торчишь в этом городе, — сказал он, помешивая кофе. — Думал, сбежишь, как твой братец. Рейвен стиснула зубы: — Тебе-то что? — Ничего. Просто забавно. Все Блэквуды либо сбегают, либо умирают. Интересно, по какому пути пойдешь ты. — Если ты пришел самоутверждаться, то бар в другой стороне города. Джейк усмехнулся, отпил кофе: — Ты всегда была колючей, Рейвен. Мне это нравилось. Но знаешь что? Колючки имеют свойство ранить тех, кто рядом. Останешься одна, помани моё слово. Он бросил на стойку пару купюр и вышел, оставив после себя запах одеколона и неприятное послевкусие. Рейвен стояла, вцепившись в край стойки побелевшими пальцами. Одна. Да она и так была одна. Всегда. Колледж Рейвен ненавидела почти так же сильно, как Фостер-Крик. Общественный колледж соседнего округа, куда она ездила на автобусе три раза в неделю, был серым, безликим зданием, набитым такими же серыми, безликими людьми. Лекции по бухгалтерскому учету, которые она слушала, глядя в одну точку. Сокурсники, чьи имена она не запоминала. Преподаватели, которых она не уважала. Она пошла в колледж только ради матери. «У тебя должен быть шанс на лучшую жизнь», — сказала Элинора, и Рейвен согласилась, хотя в глубине души знала: никакой лучшей жизни не будет. Будет диплом, будет работа в какой-нибудь конторе, будет такое же медленное угасание, как у всех в этом городе. В тот день лекцию отменили — профессор заболел. Рейвен вышла из автобуса на два часа раньше обычного и вместо того, чтобы пойти домой, свернула на старую

дорогу, ведущую к заброшенному заводу. Завод «Меркурий Сталь» закрыли пятнадцать лет назад. Огромная территория, обнесенная ржавым забором с дырами, в которые легко пролезал человек. Цеха с выбитыми стеклами, трубы, уходящие в серое небо, горы металлолома и битого кирпича. Местные подростки использовали завод как место для вечеринок и запретных свиданий. Взрослые обходили стороной — то ли из-за аварийного состояния зданий, то ли из-за дурной славы (говорили, что в девяностых там погибли трое рабочих, и их призраки до сих пор бродят по цехам). Рейвен любила это место. Несмотря на опасность. Несмотря на ржавчину, битое стекло и запах запустения. Здесь, среди мёртвого железа и раскрошенного бетона, она чувствовала странный покой. Словно руины завода резонировали с руинами её собственной души. Главный корпус возвышался над пустырем как мёртвый великан. Десять этажей производственных помещений, лестничные пролеты с осыпавшимися ступенями, ржавые балки, свисающие с потолка как гигантские ребра. На крышу вела металлическая лестница — узкая, скрипучая, но ещё достаточно крепкая, чтобы выдержать вес человека. Рейвен поднималась по ней медленно, переступая через две ступеньки. Она знала эту дорогу наизусть: вот пролом в перилах на третьем этаже, вот надпись «Здесь был Томми», выцарапанная на стене, вот гнездо вороны в углу площадки. За три года она забиралась на эту крышу десятки раз. Зачем? Она и сама не могла толком ответить. Может быть, чтобы почувствовать ветер, который на высоте десяти этажей дул сильнее и чище. Может быть, чтобы увидеть горизонт, не перекрытый стенами старого дома и унылыми улицами. Может быть — чтобы почувствовать себя живой на грани опасности. А может быть, втайне от самой себя, она искала повод не вернуться. Наверху ветер и правда был сильным. Он трепал её черные волосы, бросал пряди в лицо, забирался под водолазку, обжигая кожу холодом. Небо над Фостер-Криком было затянуто облаками — тяжелыми, свинцовыми, обещающими дождь. Рейвен подошла к краю. Бетонный парапет, когда-то ограждавший крышу, обрушился в нескольких местах, оставив опасные провалы. Десять этажей внизу. Серый бетон, битый кирпич, лужа ржавой воды, в которой отражалось хмурое небо. Она достала из кармана телефон. Старый, треснутый экран, почти закончившийся заряд батареи. Открыла камеру. Это был её ритуал — фотографировать вид с крыши. У неё было уже много таких снимков: закатное солнце над руинами, стая ворон, взлетающая с трубы, дождь, затянувший горизонт серой пеленой. Она выкладывала их в соцсети, и они собирали лайки — единственное признание, которое Рейвен получала от внешнего мира. Её называли «королевой заброшек», «девушкой с края», «городской легендой Фостер-Крика». Но сегодня она не думала о лайках. Не думала о подписчиках. Она стояла на краю, глядя вниз, и чувствовала, как внутри неё разверзается такая же пропасть — глубокая, темная, холодная. Ради чего всё? Работа в баре? Занудные лекции? Вечера в старом доме, где пахнет пылью и увяданием? Бесконечный день сурка, в котором каждый следующий день — копия предыдущего?

Она любила мать. Но эта любовь была якорем, который тащил её на дно. Она боялась уехать. Боялась остаться. Боялась, что станет такой же — исключенной, пустой, живой лишь воспоминаниями о тех, кого уже нет. Телефон в руке завибрировал. Сообщение от матери: «Купи хлеба, если сможешь». Рейвен смотрела на экран, и слёзы — неожиданные, горячие — потекли по её щекам. Хлеб. Чёртов хлеб. Она стоит на краю крыши, балансируя между жизнью и смертью, а единственное, о чём думает мать — это хлеб. Она поднесла телефон к лицу, включила фронтальную камеру. Хотела снять себя на фоне неба — так она делала много раз. Но в этот момент порыв ветра ударил ей в спину. Рейвен пошатнулась. Нога скользнула по влажному бетону. Телефон выпал из рук, стукнулся о край парапета и полетел вниз. Рейвен попыталась ухватиться за воздух — бесполезный, инстинктивный жест. Тело накренилось. Мир перевернулся. Она падала. Десять этажей превратились в бесконечность. Ветер свистел в ушах, заглушая всё. Серое небо мелькнуло перед глазами и сменилось серым бетоном. Мысли метались в голове как перепуганные птицы: «Мама... я не хотела... нет... нет!»

Удар. Боль — яркая, всепоглощающая, — вспыхнула и погасла. Темнота. Пробуждение в Аду: Она не кричала, когда её душа отделялась от тела. Это было похоже на треск разрываемой ткани — не физической, а какой-то глубинной, связывающей душу с плотью. Рейвен почувствовала рывок, как будто её выдернули из самой себя, и затем — падение. Снова падение, но теперь сквозь слои реальности: вот мелькнул мир живых — бледный, призрачный, — вот какой-то серый туман, вот вспышка тьмы. А затем — жар. Она всегда думала, что смерть холодна. В книгах, фильмах, рассказах — везде смерть описывали как ледяное дуновение, холодную руку, могильный холод. Но то, что встретило Рейвен, было жаром. Обжигающим, плотным, наполненным запахами серы, расплавленного камня и чего-то еще — сладковатого и тошнотворного, как гниющие цветы. Рейвен открыла глаза. Первое, что она увидела, — небо. Но это было не небо Техаса, не серое, затянутое облаками небо перед дождем. Это небо было цвета запекшейся крови — багровое, с черными прожилками, как будто сам воздух был ранен и истекал. Оно пульсировало — ей показалось, или оно действительно двигалось, как живое?

Она лежала на чем-то твердом и неровном. Приподнявшись на локтях, Рейвен огляделась. Пейзаж, открывшийся её взору, был рожден в кошмарах. Со всех сторон, насколько хватало глаз, простиралась соляная пустыня — белая, искрящаяся, покрытая коркой кристаллов, которые хрустели при малейшем движении. Из этой пустыни вздымались черные скалы — острые, как клыки, пронзающие багровое небо. Некоторые из них были оплавлены и закручены, как свечной воск, словно их крутила в руках гигантская сила. Земля под ней вибрировала — глухой, низкой дрожью, похожей на биение огромного сердца где-то глубоко под корой. Вдалеке текли реки. Но не воды — магма текла по руслам, вырезанным в черном базальте, лениво и неотвратно. Её оранжево-красное свечение отбрасывало пляшущие тени на скалы, создавая иллюзию, что камни двигаются. Рейвен заворуженно смотрела на эти потоки и не сразу заметила фигуры, копошащиеся у берега одной из рек. Это были люди. Или то, что когда-то было людьми. Серые, полупрозрачные силуэты, сторбленные, с вытянутыми, искаженными мукой лицами. Они бродили по берегу, протягивали руки к магме, но не могли ни прикоснуться к ней, ни уйти прочь. Их было много — десятки, сотни, — и их тихий, безнадежный стон звучал как далекий шум прибоя. Рейвен вскочила на ноги. Сердце колотилось в груди — или то, что теперь заменяло ей сердце. Она призрак, но в каком-то ином качестве. Тело было — она чувствовала руки, ноги, кожу. Но ощущения стали другими: более резкими, более яркими, почти болезненными. Каждое прикосновение воздуха к коже ощущалось как легкий ожог. — Где я? — прошептала она, и её голос прозвучал странно — глухо, как сквозь толщу воды. Позади неё раздался смех. Негромкий, мелодичный, но от него по спине побежали мурашки. Так мог бы смеяться человек, который видит что-то бесконечно забавное — и одновременно бесконечно жалкое. — О, это мой любимый момент, — произнес голос. Низкий, бархатный, обволакивающий. — Момент, когда новоприбывшие задают этот вопрос. «Где я?» Какая ирония. Они проводят всю жизнь, гадая о том, существует ли Ад. А попав сюда, все равно спрашивают. Рейвен резко обернулась. И замерла. Он стоял в нескольких шагах от неё — на небольшом возвышении, сложенном из обсидиановых глыб. Высокий, значительно выше обычного человека. Облаченный в черное — не ткань, а скорее сама тьма, принявшая форму одежды, струящихся вокруг его тела как живой дым. За его спиной, словно продолжение его фигуры, колыхались тени — плотные, почти материальные. Его лицо было... прекрасным. Это слово первым пришло в голову Рейвен, и оно было пугающе точным. Настолько правильные черты, что они казались нереальными — как лицо статуи, изваянной гениальным скульптором. Высокие скулы. Четкая линия подбородка. Темные волосы, волнами ниспадающие на плечи, блестящие в багровом свете как вороново крыло. И пухловатые губы — чувственные, изогнутые в легкой, почти ленивой усмешке. Но глаза. Его глаза заставили её замереть. Черные. Абсолютно, беспросветно черные — от края до края, без белков, без зрачков, без человеческого тепла. Два провала в бесконечную пустоту, в которой не было ни дна, ни надежды. Когда он смотрел

на неё — а он смотрел прямо в её душу — Рейвен почувствовала себя раздетой. Рассмотренной. Изученной до последней мысли, до последнего страха. Она попятилась. Но не от слабости — от инстинктивного, древнего ужаса, зашитого в каждом живом существе при встрече с хищником высшего порядка. Однако. Даже отступая, она не опустила глаз. И это было первое, что удивило Кайрона за много столетий. Он изучал её. Девушка с черными волосами — длинными, спутанными после падения. С бледной кожей — он видел такие оттенки только у утопленниц, пролежавших на дне достаточно долго, чтобы кровь отхлынула. Одежда ее была земной и жалкой: черная водолазка, рваные джинсы, грубые армейские ботинки на шнуровке. На запястье — тонкая цепочка с кулоном в виде птицы. Ворон? Волк? Неважно. Пухлые губы — потрескавшиеся после падения, но сохранившие форму. И глаза — янтарные, с золотыми искрами вокруг зрачков. Горящие. Живые. Наполненные не мольбой, не отчаянием, а... яростью? Да, яростью. И еще чем-то, что он не сразу распознал. Упрямством. Дерзостью. Отказом склоняться. Большинство душ, попадавших в его тронный зал, либо рыдали, либо падали на колени, либо цепенели от ужаса. Эта же стояла прямо. Смотрела в ответ. И в её глазах, среди страха и шока, уже зарождалась та самая ненависть, которую Кайрон умел пробуждать лучше всего. — Рейвен Блэквуд, — произнес он, и её имя прозвучало в его устах как заклинание. Раскатисто, весомо, с каким-то темным, собственническим удовольствием. — Двадцать один год. Причина смерти: падение с крыши заброшенного завода при попытке сделать селфи. Он сделал паузу, наслаждаясь её реакцией. Мускул на её скуле дернулся. — Банально, — добавил он. Рейвен сжала кулаки. Страх все еще пульсировал в висках, сердце колотилось где-то в горле, но этот голос, это выражение превосходства на красивом лице, это «банально» — они подожгли в ней что-то, что всегда было её силой и её проклятием. Упрямство. То самое, из-за которого она перечила отцу, бросала вызов братьям, отказывалась прогнуться под Джейка. — И что? — её голос прозвучал хрипло, но твердо. — Ты здесь главный по статистике смертей?

Кайрон моргнул. Всего один раз. Но Рейвен заметила. Она поняла: он не ожидал такого ответа. Тени за его спиной зашевелились быстрее. Уголок его рта дрогнул — не улыбка, а скорее хищный оскал, в котором промелькнуло что-то похожее на интерес. — Твое селфи, кстати, вышло отличным, — сказал он и взмахнул рукой. Воздух справа от Рейвен пошел рябью, и в этой ряби соткалось изображение. Оно висело прямо в пустоте, четкое и яркое, как экран телевизора. Рейвен увидела себя саму: неестественно вывернутое тело на грязном бетоне, разбитый телефон рядом, лужа ржавой воды, в которой то ли отражается небо, то ли расплывается кровь. Угол съемки был снизу — тот самый последний снимок, который сделала камера, выпав из её рук. — Двести тысяч лайков за час, — продолжил Кайрон, смакуя каждое слово. — Ты прославилась, смертная. Посмертно. Это было жестоко. Рассчитанно, холодно, изысканно жестоко. Показать ей её собственное мертвое тело, её неуклюжую, нелепую смерть, её разбитые амбиции — и назвать это славой. Кайрон наблюдал за ней, ожидая слёз, крика, сломленности. Но в Рейвен закипела ярость. Горячая, живая — единственное, что осталось у неё от прежней жизни. Ярость на себя за то, что оказалась такой дурой. На мать, которая превратила её в сиделку. На братьев, которые бросили их. На этот чертов город, который высосал из неё все соки. И на него — на этого красивого, надменного, самодовольного... кем бы он ни был. — Слава? — переспросила она, и в её голосе зазвенел металл. — Я не для того родилась, чтобы стать посмертным мемом. Она шагнула вперед — ближе к нему, а не дальше. Янтарные глаза вспыхнули золотом, отражая свет магмовых рек. — И я не собираюсь пополнять твою коллекцию потерянных душ, — добавила она тихо, но отчетливо. Кайрон замер. Тени вокруг него сгустились, словно живой плащ, окутывая его фигуру. Прошло много лет с тех пор, как кто-то осмеливался смотреть на него с вызовом. Еще больше — с тех пор, как кто-то осмеливался говорить с ним в таком тоне. Девчонка с бледной кожей, светившейся в багровых отсветах как лунный камень, посмела не бояться. Нет. Она боялась. Он видел этот страх — видел по тому, как бьется жилка на её шее, как подрагивают пальцы, сжатые в кулаки, как расширены

зрачки в янтарных глазах. Но она не позволяла страху управлять собой. Она использовала его как топливо. Превращала в гнев. В дерзость. В оружие. Это было... захватывающе. Кайрон подался вперед, опираясь локтями на подлокотники трона. Обсидиан отозвался на его движение — по черной поверхности пробежала алая искра. Он разглядывал её так, как коллекционер разглядывает редкий экземпляр, внезапно обнаруженный в куче мусора. — Ты права, — произнес он вкрадчиво, и его голос изменился. Исчезла насмешка, появилась глубина — опасная, как омут. — Ты неполнишь коллекцию. Пауза. Тени за его спиной затаили дыхание. — Ты будешь моим личным Инквизитором. Рейвен нахмурилась. Слово было знакомым, но в этом контексте звучало зловеще. — Раз в триста лет, — продолжил он, медленно поднимаясь с трона, — я выбираю смертного, дух которого достаточно крепок, чтобы выдержать прикосновение Инферно. Ты станешь моим охотником, возвращающим беглых демонов. Моим клинком в мире живых. Он спускался по ступеням — медленно, величественно, и с каждым шагом воздух вокруг них сгушался. Рейвен чувствовала давление — не физическое, а какое-то ментальное, словно сама атмосфера Ада пыталась заставить её склониться. — А если я откажусь? — она скрестила руки на груди, игнорируя дрожь в коленях. Кайрон остановился в трех шагах от неё. Вблизи он был еще более устрашающим. От него пахло грозой и дымом — запах, который странным образом напомнил Рейвен о доме. — Тогда, — он говорил почти ласково, — вечность будешь перебирать свои кости на берегу Стикса, умоляя дать тебе глоток воздуха, которого не существует. Ты будешь помнить каждое мгновение своей жизни и жалеть о каждом решении, которое привело тебя сюда. Ты будешь кричать, но твой голос никто не услышит. Ты будешь плакать, но твоих слёз никто не заметит. Бесконечность боли. Бесконечность одиночества. Вот что ждет тех, кто отказывается служить мне. Он склонил голову к плечу, и его улыбка стала почти мальчишеской — если бы не глаза, черные, бездонные, полные древнего, нечеловеческого знания. — Выбор очевиден, — сказал он. — Скажи это. — Что «это»? — «Я согласна, мой Повелитель». Рейвен передернуло от этого «мой». Каждое слово царапало горло. Гордость, та самая, которую не смогли сломать ни нужда, ни унижения, ни смерть, восстала в ней. «Мой» — как собственник. «Повелитель» — как существо высшего порядка, которому она должна кланяться. Она стояла на перекрестке вечности. Выбор из двух зол. Но Рейвен, наученная жизнью, умела выбирать зло, которое оставляло ей хотя бы видимость контроля. — Я согласна, — произнесла она, глядя ему прямо в глаза, — не потому что ты Повелитель. А потому что перебирать кости — скучно. Кайрон улыбнулся. На этот раз по-настоящему — широко, обнажая ровные, белоснежные зубы. И от этой улыбки Рейвен стало едва ли не страшнее, чем от его угроз. — Запомни этот момент, Рейвен Блэквуд, — прошептал он, протягивая к ней руку. — Момент, когда ты решила, что скука страшнее смерти. Возможно, однажды ты поймешь, как ошибалась. Его пальцы коснулись её запястья. И мир взорвался болью. Ослепительная, огненная линия прорезала кожу, соединяя их — Повелителя и смертную. Рейвен закричала. Это была не та боль, которую она испытывала при падении. Это была боль иного порядка — как будто само мироздание вбивало клин между её душой и телом, а затем соединяло их заново, но уже иначе. С примесью тьмы. Когда она открыла глаза — не помня, падала ли, закрывала ли их, — на запястье горела алая вязь. Контракт. Клеймо. Метка, которая означала, что она больше не принадлежит себе. Кайрон отпустил её руку. Отступил на шаг. — Да начнется служба, — произнес он и, развернувшись, пошел обратно к своему трону. Тени сомкнулись за ним как плащ. А Рейвен осталась стоять на соляной пустоши, прижимая к груди горящее запястье, и ненависть — чистая, кристальная, сияющая — росла в её груди. Ненависть к нему. К его голосу. К его улыбке. К его глазам-провалам. Ненависть, которая станет началом всего.

Глава 2. Клеймо

Боль не утихла.

Она пульсировала в запястье, поднималась по руке к плечу, отдавалась в висках тупой, ноющей волной. Рейвен стояла посреди соляной пустоши, прижимая руку к груди, и смотрела вслед удаляющейся фигуре Кайрона. Его тени колыхались за спиной, как живой шлейф, и чем дальше он уходил, тем темнее становилось вокруг — словно он забирал с собой даже тот скудный свет, что был в этом проклятом месте.

— Эй! — крикнула она. Голос сорвался на хрип. — Эй, ты! А что мне теперь делать?!

Кайрон не обернулся. Он продолжал подниматься по обсидиановым ступеням к своему трону, и каждое его движение было наполнено такой ленивой, нечеловеческой грацией, что Рейвен на мгновение засмотрелась. Как мышь на змею. Как мотылек на пламя.

— Что мне делать?! — повторила она громче, и в голосе прорезалась та самая дерзость, которая не оставляла ее даже перед лицом вечности.

Он остановился. Не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Ждать.

— Чего?!

— Наставника. Тебя всему обучат.

И исчез. Шагнул в темноту и растворился в ней, оставив после себя лишь запах грозы и странное, гнетущее чувство пустоты.

Рейвен осталась одна.

Впрочем, не совсем одна. Со всех сторон ее окружали души — серые, полупрозрачные, слоняющиеся без цели. Она рассматривала их теперь внимательнее, чем первые минуты после пробуждения. Кто — то сидел на корточках, раскачиваясь взад — вперед и бормоча бессвязные молитвы. Кто — то брел в никуда, вытянув руки перед собой как слепец. Кто — то лежал на соли, свернувшись калачиком, и тихо, безнадежно плакал.

Одна женщина — серая, как и все, но сохранившая остатки черт, — стояла неподалеку и смотрела на Рейвен. В ее пустых глазах мелькнуло что-то похожее на зависть.

— Ты... другая, — прошелестела она. — Почему ты другая?

— Я не знаю, — честно ответила Рейвен.

— Ты светишься. Они не светятся. Только он светится. И теперь ты.

Рейвен опустила взгляд на свое запястье. Алая вязь пульсировала, и вокруг нее действительно разливалось слабое сияние. Метка. Контракт. То, что отличало ее от остальных душ.

— Тебе повезло, — прошептала женщина. — Или не повезло. Еще не поняла.

И побрела прочь, растворившись в толпе серых теней.

Рейвен опустилась на корточки, обхватила колени руками. Страх, который она так старательно подавляла во время разговора с Повелителем, теперь поднимался из глубины живота, заполнял горло, сжимал гортань. Она умерла. Она действительно, по-настоящему умерла. И попала в Ад. И теперь принадлежала ему.

«Я согласна, мой Повелитель».

Ее передернуло от воспоминания. «Мой». Как он смотрел на нее, произнося это слово. Как смаковал его. Как будто пробовал на вкус.

Прошло неизвестно сколько времени. В Аду не было солнца, по которому можно было бы отсчитывать часы. Багровое небо оставалось неизменным, и только пульсация магмовых рек вдалеке создавала иллюзию движения. Но в какой-то момент тишину нарушил звук шагов — уверенных, четких, металлических.

Рейвен подняла голову.

К ней приближалась женщина. Высокая, мускулистая, с кожей цвета темной меди и коротко стриженными белыми волосами, торчащими в разные стороны как перья хищной птицы. Одежда на ней была странной: кожаные доспехи поверх черной туники, на поясе — два изогнутых клинка в ножнах, на плечах — металлические наплечники, исцарапанные в боях.

На правой щеке — глубокий шрам, пересекающий скулу и уходящий под воротник. Глаза — один зеленый, один желтый, зрачки вертикальные как у кошки.

Незнакомка остановилась в двух шагах от Рейвен и смерила ее оценивающим взглядом. Пауза затянулась.

— Подъем, — бросила она резко. — Новобранец что-ли?

Рейвен медленно встала. Незнакомка была выше ее на голову и выглядела так, словно могла переломить хребет голыми руками.

— Кто ты? — спросила Рейвен, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

— Твой наставник. Меня зовут Сайра. Я — старший Инквизитор Легиона. Повелитель прислал меня, чтобы сделать из тебя хоть что-то пригодное для службы.

— Пригодное? — в голосе Рейвен мелькнуло возмущение. — Я...

— Ты — мертвая официантка из Техаса, которая упала с крыши, делая селфи, — перебила Сайра. — Я знаю, кто ты. Я знаю о тебе все. Досье уже у меня. — Она хлопнула по сумке на поясе. — Рейвен Блэквуд, двадцать один год, нелепая смерть, острый язык, дерзкий нрав. Сложные отношения с матерью, три брата — один погиб, два пропали. Бывший парень — кретин. Любишь высоту и рискованные селфи. Что-то упустила?

Рейвен стиснула зубы. Ее бесило, что кто-то знал о ней все, а она — ничего о них.

— Ладно Сайра. Веди.

— «Ладно, Сайра, веди», — передразнила та. — Хотя что-то умеешь — подчиняться. Это прогресс.

И развернувшись, зашагала прочь. Рейвен двинулась следом, чувствуя себя щенком на поводке.

Глава 2. Клеймо

Боль не утихала.

Она пульсировала в запястье, поднималась по руке к плечу, отдавалась в висках тупой, ноющей волной. Рейвен стояла посреди соляной пустоши, прижимая руку к груди, и смотрела вслед удаляющейся фигуре Кайрона. Его тени колыхались за спиной, как живой шлейф, и чем дальше он уходил, тем темнее становилось вокруг — словно он забирал с собой даже тот скудный свет, что был в этом проклятом месте.

— Эй! — крикнула она. Голос сорвался на хрип. — Эй, ты! А что мне теперь делать?!

Кайрон не обернулся. Он продолжал подниматься по обсидиановым ступеням к своему трону, и каждое его движение было наполнено такой ленивой, нечеловеческой грацией, что Рейвен на мгновение засмотрелась. Как мышь на змею. Как мотылек на пламя.

— Что мне делать?! — повторила она громче, и в голосе прорезалась та самая дерзость, которая не оставляла ее даже перед лицом вечности.

Он остановился. Не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Ждать.

— Чего?!

— Наставника. Тебя всему обучат.

И исчез. Шагнул в темноту и растворился в ней, оставив после себя лишь запах грозы и странное, гнетущее чувство пустоты.

Рейвен осталась одна.

Впрочем, не совсем одна. Со всех сторон ее окружали души — серые, полупрозрачные, слоняющиеся без цели. Она рассматривала их теперь внимательнее, чем первые минуты после пробуждения. Кто — то сидел на корточках, раскачиваясь взад — вперед и бормоча бессвязные молитвы. Кто — то брел в никуда, вытянув руки перед собой как слепец. Кто — то лежал на соли, свернувшись калачиком, и тихо, безнадежно плакал.

Одна женщина — серая, как и все, но сохранившая остатки черт, — стояла неподалеку и смотрела на Рейвен. В ее пустых глазах мелькнуло что-то похожее на зависть.

— Ты... другая, — прошепела она. — Почему ты другая?

— Я не знаю, — честно ответила Рейвен.

— Ты светишься. Они не светятся. Только он светится. И теперь ты.

Рейвен опустила взгляд на свое запястье. Алая вязь пульсировала, и вокруг нее действительно разливалось слабое сияние. Метка. Контракт. То, что отличало ее от остальных душ.

— Тебе повезло, — прошептала женщина. — Или не повезло. Еще не поняла.

И побрела прочь, растворившись в толпе серых теней.

Рейвен опустила на корточки, обхватила колени руками. Страх, который она так старательно подавляла во время разговора с Повелителем, теперь поднимался из глубины живота, заполнял горло, сжимал гортань. Она умерла. Она действительно, по-настоящему умерла. И попала в Ад. И теперь принадлежала ему.

«Я согласна, мой Повелитель».

Ее перевернуло от воспоминания. «Мой». Как он смотрел на нее, произнося это слово. Как смаковал его. Как будто пробовал на вкус.

Прошло неизвестно сколько времени. В Аду не было солнца, по которому можно было бы отсчитывать часы. Багровое небо оставалось неизменным, и только пульсация магмовых рек вдалеке создавала иллюзию движения. Но в какой-то момент тишину нарушил звук шагов — уверенных, четких, металлических.

Рейвен подняла голову.

К ней приближалась женщина. Высокая, мускулистая, с кожей цвета темной меди и коротко стриженными белыми волосами, торчащими в разные стороны как перья хищной птицы. Одежда на ней была странной: кожаные доспехи поверх черной туники, на поясе — два изогнутых клинка в ножнах, на плечах — металлические наплечники, исцарапанные в боях. На правой щеке — глубокий шрам, пересекающий скулу и уходящий под воротник. Глаза — один зеленый, один желтый, зрачки вертикальные как у кошки.

Незнакомка остановилась в двух шагах от Рейвен и смерила ее оценивающим взглядом. Пауза затянулась.

— Подъем, — бросила она резко. — Новобранец что-ли?

Рейвен медленно встала. Незнакомка была выше ее на голову и выглядела так, словно могла переломить хребет голыми руками.

— Кто ты? — спросила Рейвен, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

— Твой наставник. Меня зовут Сайра. Я — старший Инквизитор Легиона. Повелитель прислал меня, чтобы сделать из тебя хоть что-то пригодное для службы.

— Пригодное? — в голосе Рейвен мелькнуло возмущение. — Я...

— Ты — мертвая официантка из Техаса, которая упала с крыши, делая селфи, — перебила Сайра. — Я знаю, кто ты. Я знаю о тебе все. Досье уже у меня. — Она похлопала по сумке на поясе. — Рейвен Блэквуд, двадцать один год, нелепая смерть, острый язык, дерзкий нрав. Сложные отношения с матерью, три брата — один погиб, два пропали. Бывший парень — кретин. Любишь высоту и рискованные селфи. Что-то упустила?

Рейвен стиснула зубы. Ее бесило, что кто-то знал о ней все, а она — ничего о них.

— Ладно Сайра. Веди.

— «Ладно, Сайра, веди», — передразнила та. — Хоть что-то умеешь — подчиняться. Это прогресс.

И развернувшись, зашагала прочь. Рейвен двинулась следом, чувствуя себя щенком на поводке.

Глава 3. Дорога в Казармы

Они шли долго.

Сначала через соляную пустыню — белую, искрящуюся, до рези в глазах. Кристаллы соли хрустели под ногами, и звук этот напоминал хруст костей. Рейвен старалась не думать об этом.

— Как ты сюда попала? — спросила она чтобы отвлечься.

— Умерла, — коротко ответила Сайра.

— Я уже это поняла. Но как?

Сайра помолчала, и Рейвен уже решила, что ответа не будет. Но потом наставница заговорила — сухо, отрывисто, словно докладывая обстановку.

— Я была воином в своем мире. Не в твоём — в другом. Мир назывался Асфodelь. Им правила королева, которой я служила. Однажды ночью во дворец проникли наемные убийцы. Десять человек. Я положила девятерых, но десятый достал королеву. Я закрыла ее собой.

— И погибла.

— И погибла. А потом очнулась здесь. Повелитель увидел во мне потенциал и предложил контракт.

— И ты согласилась? Вот так просто?

Сайра резко остановилась и развернулась. Ее разноцветные глаза впились в Рейвен.

— Ничего простого в этом не было, — отчеканила она. — Я потеряла свой мир. Свою королеву. Свою жизнь. Я провела первый десять лет в Аду, мечтая, чтобы меня просто оставили в покое. Но контракт покоя не дает. Контракт требует служить.

— Сколько ты уже служишь?

— Сто сорок три года.

Рейвен осеклась. Сто сорок три года. Для нее, прожившей всего двадцать один, эта цифра была непостижимой.

— Годы здесь идут иначе, — добавила Сайра, смягчившись. — Привыкнешь.

Они двинулись дальше. Миновали каньон с отвесными стенами из черного базальта. Прошли по узкому мосту, перекинутому через реку магмы. Рейвен старалась не смотреть вниз — не потому что боялась высоты, а потому что вид кипящей лавы вызывал тошноту. Жар поднимался волнами, искажая воздух.

— А другие Инквизиторы? — спросила она. — Они тоже... мертвы?

— Большинство, — ответила Сайра. — Как и ты. Как и я. Но есть и живые — те, кто попал в Ад через разломы и заключил контракт добровольно. И есть такие, кто родился здесь.

— Родился? Здесь?

— Демоны низших рангов иногда идут в Легион. Им это выгодно: служить Правителю — значит иметь защиту и статус. Но большинство Инквизиторов — смертные, прошедшие через смерть.

Сайра бросила на нее короткий взгляд:

— Твой случай особый. Повелитель лично выбрал тебя. Обычно отбором занимаюсь я или другие старшие Инквизиторы. А тут он сам спустился в круг Прибытия. Это было... необычно.

Рейвен промолчала. Значит, он действительно ждал ее. Знал, что она умрет? Или просто почувствовал?

Они вышли к огромной площади, вырубленной прямо в скальном массиве. В центре горел исполинский костер — языки пламени вздымались на десятки метров, освещая окрестности. Вокруг костра располагались постройки: казармы, тренировочные плацы, арсеналы. И везде — Инквизиторы. Они тренировались, сражались на мечах, метали ножи, отработывали приемы рукопашного боя.

— Это Казармы, — сказала Сайра. — Твой новый дом. Привыкай.

— У уже есть дом, — пробормотала Рейвен.

Сайра резко схватила ее за плечо и развернула к себе. — когти на ее пальцах, острые, черные — слегка впились в кожу.

— Забудь, — сказала она тихо и жестко. — Забудь свою прошлую жизнь, Блэквуд. Она кончилась. Ты умерла. Твоя мать, бывший, друзья — их больше нет. Есть только Легион и Повелитель. Если будешь цепляться за воспоминания, они сожрут тебя. Поняла?

Рейвен не ответила. Но что-то внутри нее сжалось в тугую, болезненный комок. Сайра была права. Она понимала это. Но принять это сразу было невозможно.

— Я задала вопрос, Инквизитор, — голос Сайры стал жестче.

— Поняла, — выдавила Рейвен

— Хорошо. Тогда иди за мной.

И они вошли в Казармы.

Глава 4. Устройство

Комната Рейвен была маленькой, как монашеская келья. Четыре стены, вырубленные прямо в скальной породе, без окон — только узкая прорезь над потолком, через которую проникал багровый свет. Кровать — каменное ложе с тюфяком из грубой ткани, набитым чем-то колючим. Стол, привинченный к стене. Табурет. Свеча в железном подсвечнике. Крючок для одежды. Больше ничего.

— Здесь ты будешь жить, — сказала Сайра, остановившись в дверях. Еду приносят дважды в день, но разносолов не жди. Рацион простой: хлеб, похлебка, иногда мясо. Инквизиторы питаются не только физической пищей.

— А чем еще? — спросила Рейвен, осматривая свое новое жилище и пытаясь представить, как она проведет здесь годы.

— Энергией демонов. Каждый раз, когда ты убиваешь врага, метка поглощает часть его силы и передает тебе. Это питает твоё тело, ускоряет регенерацию, делает тебя быстрее и выносливее. Со временем ты заметишь что почти не нуждаешься в обычной еде.

— А если я никого не убью?

— Тогда метка начнет питаться тобой, — голос Сайры стал мрачным. — Медленно. По капле. Сначала — усталость. Потом — слабость. Потом ты начнешь терять себя, пока не превратишься в одну из тех серых теней пустоши. Вечность в полубытии, без мыслей, без чувств, без надежды.

По спине Рейвен пробежал ледяной холод, контрастирующий с жаром адского воздуха:

— То есть у меня нет выбора? Либо убивай, либо умирай окончательно?

— Выбор есть всегда, — Сайра невесело усмехнулась, и ее шрам на щеке дернулся. — Можно сдохнуть. Можно служить и выжить. Ты, кажется, уже выбрала. — Она бросила на кровать аккуратно сложенный сверток. — Форма. Переоденься. Через час первая тренировка. Опоздаешь — будешь бегать вокруг плаца до потери сознания. Я не шучу.

И ушла, аккуратно притворив за собой тяжелую дверь.

Рейвен осталась одна. Она села на край кровати — жесткой, неудобной, — и развернула сверток. Форма Инквизитора: черная туника с высоким воротом и металлическими вставками на груди и плечах — достаточно легкая, чтобы не стеснять движений, достаточно прочная, чтобы выдержать удар когтей. Кожаные штаны, укрепленные на коленях. Высокие сапоги на шнуровке, с металлическими набойками. И тонкий наруч из темной кожи — специально для левого запястья, чтобы закрыть метку.

Она переоделась медленно, привыкая к новой коже. Одежда сидела плотно, но удобно, словно была сшита специально для нее. Может, так и было — Сайра упоминала, что ее досье изучили заранее.

Маленькое металлическое зеркало висело на стене — единственная роскошь, которую она заметила. Рейвен подошла к нему и замерла.

Из зеркала смотрела незнакомка. В черной форме, с бледным лицом и горящими янтарными глазами, она выглядела иначе. Опаснее. Жестче. Та Рейвен, что работала официанткой в баре, слушала нудные лекции по бухучету и по воскресеньям навещала мать, исчезла. Вместо нее стоял кто-то новый. Кто-то способный выжить в Преисподней.

— Ладно, Блэквуд, — сказала она своему отражению. Голос прозвучал глухо в каменных стенах. — Раз уж ты здесь, будем играть по их правилам. И выигрывать.

Метка на запястье потеплела, словно соглашаясь с ней.

Тренировочный плац был огромен. Ровная площадка, вымощенная черным камнем, отполированным тысячами ног до зеркального блеска. По периметру высились колонны, на которых горели факелы — их пламя было ровным, без единого колебания, словно сам воздух

здесь замер в почтении. В центре стояли деревянные манекены — не простые, а зачарованные: они двигались, уклонялись и даже атаковали в ответ, имитируя поведение реальных противников. Вдоль стен тянулись стойки с оружием всех мыслимых форм и размеров.

На плацу уже собрались несколько Инквизиторов. Рейвен чувствовала их взгляды кожей — оценивающие, любопытные, у кого-то откровенно враждебные.

— Бери меч, — скомандовала Сайра, указав на ближайшую стойку.

Рейвен подошла. Оружие впечатляло: длинные полуторные мечи с гравировкой на лезвиях, короткие глади для ближнего боя, изогнутые сабли, прямые клейморы. Она выбрала самый простой на вид — короткий клинок с простой рукоятью, обмотанной темной кожей. Взвесила в руке. Тяжеловат, но лежал удобно, как продолжение ладони.

— Неплохой выбор, — кивнула Сайра. — Это гладий. Стандартное оружие новобранцев. Короткий, легкий, эффективный в ближнем бою. Теперь покажи стойку.

— Я не знаю никаких стоек.

— Значит учишься быстро. Ноги на ширине плеч. Меч перед собой. Лезвие под углом сорок пять градусов. Левую ногу вперед.

Сайра начала с азов. Ее метод был жестким, граничащим с жестокостью. Она не объясняла дважды. Если Рейвен ошибалась в стойке, получала удар древком тренировочного копья по ребрам — быстро, больно, без предупреждения. Если теряла равновесие — подсечку, и вот она уже на земле, глотает пыль. Если опускала меч — тычок в плечо, оставляющий синяк.

— Меч — не игрушка! — рявкала Сайра. — Ты держишь его, как кухонный нож! Он должен быть частью тебя! Ты не держишь меч — ты им дышишь! Он должен двигаться вместе с тобой и твоим телом, а не отдельно!

Через час Рейвен была мокрой от пота. Руки дрожали от напряжения. На ребрах наливались синяки — она чувствовала их при каждом вдохе. Но она не просила пощады. Не жаловалась, не плакала. У демонов нет чувства сожаления, они не пощадят тебя в бою, не дадут передышки и уж тем более не станут жалеть за слезы.

Сцепив зубы, она повторяла движения снова и снова. Стойка. Выпад. Уход. Защита. И снова.

— Базовый выпад, давай! Раз, два, три!

Рейвен сделала выпад, меч описал дугу, получилось вполне сносно, но не достаточно хорошо. Чтобы убить демона должно быть гораздо лучше чем сейчас.

— Еще раз! Теперь по манекену!

Манекен ожил, двинулся вперед, замахиваясь деревянной рукой. Рейвен попыталась парировать, но замешкалась на долю секунды, и деревянный кулак врезался ей в висок. Перед глазами вспыхнули искры. Она отлетела на пару шагов и рухнула на каменный пол. Над плацем разнесся смех — несколько Инквизиторов, наблюдавших за тренировкой, откровенно веселились.

— Жалкое зрелище, — бросил один из них. — Повелитель сошел с ума, выбрав такого жалкого человечешку.

Рейвен поднялась, потирая ушибленный висок, и повернулась к говорившему. Мужчина с резкими, хищными чертами лица, короткими рыжими волосами и холодными серыми глазами стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на нее с откровенным призрением. Он был высок, мускулист, и от него исходила уверенность, как у тех кто слишком часто смотрел смерти в лицо.

— «Мудак», — подумала про себя Рейвен.

— Зейн, — представила его Сайра. — Инквизитор второго ранга. Один из лучших следопытов. Специалист по Архидемонам. На его счету сорок семь успешных охот.

— Сорок семь? — переспросила Рейвен.

Так он не только уверен в себе, но еще и дикая зазнайка. Уверена когда он был новеньким, тоже сделал все не с первого раза.

— Сорок восемь, — поправил он, не глядя на нее. — Вчера еще одного закрыл. Мелкий третий ранг, но все равно в зачет.

Ну вот, подумала Рейвен и правда зазнайка. Она посмотрела на него оценивающим взглядом, ничего необычного.

— И эта официантка будет отслеживать демонов? — он кивнул в сторону Рейвен. — Многообещающе. Особенно если демоны будут умирать от смеха.

Рейвен выпрямилась. Ее янтарные глаза вспыхнули — тот самый огонь, который она носила при себе, и который не смогли погасить ни нужда, ни унижения, ни смерть.

— Ну раз ты такой сильный, покажешь как надо? Вдруг ты меня недооценил?

— Правда? — Зейн шагнул к ней, его рука легла на рукоять собственного меча. — Тогда давай проверим. Я покажу тебе как надо. Спарринг. Ты и я. — он усмехнулся

— Зейн, она занимается первый день в своей жизни, — предупредила Сайра. — Это будет не бой, а избиение.

— Вот и посмотрим на что способна новенькая. Если она такая крутая, как говорит, — справится.

Рейвен понимала что это плохая идея. Она проиграет, но отступать было поздно, только не перед этим высокомерным ублюдком. Она видела таких, как он, всю свою жизнь. В школе. В баре. В колледже. Мужчины, считавшие себя лучше просто потому, что родились с членом.

— Хорошо, — сказала она, поднимая меч. — Давай красавчик, сделай мне больно.

Глава 5. Кровь на песке

Спарринг начался, и Рейвен поняла, что ее будут убивать. Не в буквальном смысле — Зейн не собирался ее калечить, — но методично, хладнокровно и при всех унижить ее.

Он двигался так, словно сам воздух расступался перед ним. Первый выпад она кое-как парировала, но ударная волна от столкновения клинков прошла через запястье до самого плеча, и рука онемела. Рейвен стиснула зубы и отступила на шаг, пытаясь восстановить дистанцию. Зейн не дал ей этой возможности — он наступал непрерывно, как машина, как хищник, почуявший кровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.